3(С) В
Ф 551

КРЫЛОВЪ.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ. ЦѢНА 10 КОП.

90 54/К85

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

А 180/708

А. Г. Филонова.

Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

БИБЛИОТЕКА
Клуба Мист. Склифоссовского
90-54
№ 600 1128

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная, 48.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 февраля 1898 года.

2007082521

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

DVS-18030

ф-28753-42

Дѣдушка Крыловъ.

Однимъ изъ самыхъ любимыхъ русскихъ писателей былъ и до сихъ поръ остаётся Крыловъ. Ребенокъ, еще не умѣющій читать, уже по наслышкѣ знаетъ какую-нибудь басенку Крылова отъ своихъ старшихъ братьевъ или сестеръ. Въ школахъ басни Крылова заучиваются наизусть. Въ жизни, среди различныхъ обстоятельствъ, припоминаются примѣры изъ басенъ Крылова. Стихи изъ его басенъ приводятся, какъ пословицы.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ родился въ 1768 году, а умеръ въ 1844 году, значитъ прожилъ на свѣтѣ семьдесятъ шесть лѣтъ.

Имя «дѣдушки» онъ пріобрѣлъ при жизни: его всѣ такъ звали, и матери, показывая дѣтямъ на проходящаго по улицѣ знаменитаго старца, говорили: «вонъ дѣдушка Крыловъ!» Имя дѣдушки за нимъ осталось и по смерти, и на памятникѣ, что въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ, Крыловъ изображенъ почтеннымъ старцемъ, *дѣдушкою*, какимъ онъ и былъ. Имя «дѣ-

душки» какъ-то особенно пристало Ивану Андреевичу Крылову; басни его показываютъ умъ многоопытнаго, мудраго старца, который насквозь видѣлъ человѣка на всѣхъ путяхъ жизни.

Крыловъ началъ писать басни на тридцать восьмомъ году отъ рожденія. До басенъ, которыми онъ привлекъ къ себѣ вниманіе всей грамотной Россіи, Крыловъ сочинялъ многое другое; но все другое, что онъ сочинялъ, забыто,—однѣ басни всѣми помнятся, онѣ однѣ составили ему громкую славу у насъ и заграницей. И мы настоящую бесѣду свою поведемъ только о его басняхъ.

Баснею называется замысловатый разсказъ. Подъ именемъ одного человѣка, о которомъ говоритъ басня, напримѣръ Демьяна, надо разумѣть не одного только Демьяна, а тысячи людей, на него похожихъ; говоритъ намъ басня про Тришку, про Климыча, про Петра, а разумѣть тутъ надо сотни и тысячи людей, то же дѣлающихъ, что дѣлали Тришка, Климычъ, Петръ. Кромѣ людей, въ басняхъ дѣйствующими лицами бываютъ четвероногія животныя (напримѣръ: медвѣдь, волкъ, лисица и пр.), птицы, рыбы, насѣкомыя (напримѣръ: ворона, пѣтухъ, щука, муха, пчела, червякъ); выводятся въ басняхъ неодушевленные предметы (напримѣръ: камень, ручей, прудъ, роща)—даже пред-

меты повседневнаго быта нашего являются въ басняхъ и даютъ Крылову поводъ къ полезнымъ для насъ нравоученіямъ (напримѣръ: гребень, горшокъ, бритвы, мѣшокъ, вѣникъ).

Ну что, кажется, можно сказать замысловатаго, видя на кухнѣ котелъ и горшокъ,—вѣникъ, называемый голикомъ,—мѣшокъ, о который отираютъ ноги въ прихожей,—или, видя гребень, которымъ чешемъ голову, или пустыя бочки, катящіяся по улицѣ? Но проницательный умъ мудреца открываетъ уроки и въ котлѣ и горшкѣ, и въ голикѣ, мѣшкѣ, гребнѣ, и въ пустой бочкѣ.

Горшокъ и котелъ въ сосѣдствѣ вмѣстѣ жили; котелъ поѣхалъ странствовать, захотѣлось и горшку вмѣстѣ съ котломъ путешествовать. Отправились. «Пустилися друзья по тряской мостовой, толкаются въ телѣгѣ межъ собой!» «Горки, рытвины, ухабы—котлу бездѣлица», а горшку бѣда. Какъ долго горшокъ съ котломъ странствовали, неизвѣстно, — но домой котелъ цѣлымъ воротился, а «отъ горшка одни остались черепки...» Дружба, по мысли Крылова, хороша только между людьми схожими, одинаковыми.

А вотъ другая басня о вѣникѣ, по просту, голикѣ:

Запачканный Голикъ попалъ въ большую
честь—
Ужь онъ половъ не будетъ въ кухняхъ
месть;
Ему поручены господскіе кафтаны.
Вотъ развозился мой Голикъ:—
По платью барскому безъ устали колотитъ,
И на кафтанахъ онъ какъ будто рожь
молотитъ,
И подлинно, что трудъ его великъ.
Бѣда лишь въ томъ, что самъ онъ грязенъ, неопрятенъ.
Что̀-жъ пользы отъ его труда?
Чѣмъ больше чиститъ онъ, тѣмъ только
больше пятенъ.

Эта басенка осуждаетъ того малообразованнаго человѣка, который «не въ свои дѣла вплететься и поправлять труды ученаго возьмется».

Въ прихожей на полу,
Въ углу,
Пустой Мѣшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ нерѣдко помыкался.

Такъ начинается басня «Мѣшокъ». Къ этому мѣшку привалило счастье: его набили червонцами, положили въ окованный ларецъ;

всякъ, приходившій къ хозяину, смотрѣлъ на мѣшокъ съ умиленіемъ и поближе къ нему подвигался... Мѣшокъ завеличался, заумничалъ, зазнался, о всемъ и рядитъ онъ и судитъ: «и то не такъ, и тотъ дуракъ... Всѣ только слушаютъ его, разинувъ ротъ», что «онъ такую дичь несетъ». Крыловъ при этомъ замѣчаетъ: «У людей, къ несчастью, тотъ порокъ, что имъ съ червонцами Мѣшокъ что̀ ни скажи—всему дивиться станутъ». Но въ такой честѝ мѣшокъ былъ до тѣхъ поръ, пока изъ него не перетаскали всѣхъ червонцевъ. Когда червонцевъ не стало въ мѣшкѣ, то его выбросили. Басню эту Крыловъ относитъ къ нечаянно разбогатѣвшимъ людямъ. До богатства они рѣдко въ карманѣ рубль имѣли, а другіе, можетъ быть, «въ подносчикахъ сидѣли»,—разбогатѣвъ же, стали величаться, да съ графами и со князьями знаться. «Велико дѣло—милліонъ!» восклицаетъ нашъ дѣдушка.

Я не могу не обратить вниманія вашего еще на одну басенку, поводомъ къ написанію которой былъ самый обыкновенный, будничный предметъ. Я хочу сказать о баснѣ: «Гребень».

«Дитяти маменька расчесывать головку
Купила частый Гребешокъ.
Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку:
Играетъ, иль твердитъ изъ азбуки урокъ;

Свои всё кудри золотыя,
Волнистыя, барашкомъ завитыя
И мягкія, какъ тонкій ленъ,
Любуясь, Гребешкомъ расчесываетъ онъ.
И что̀ за Гребешокъ? Не только не теребитъ,
Нигдѣ онъ даже не зацѣпитъ:
Такъ плавенъ, гладокъ въ волосахъ.
Нѣтъ Гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.
Случись, однако же, что Гребень затерялся.
Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
Всклокочилъ волосы копной;
Лишь няня къ волосамъ,—дитя подыметъ вой.
«Гдѣ Гребень мой?»
И Гребень отыскался.
Да только въ головѣ ни взадъ онъ, ни впередъ,
Лишь волосы до слезъ деретъ.
«Какой ты злой, Гребнишка!»
Кричитъ мальчишка.
А Гребень говоритъ:—«мой другъ, всё тотъ-же я!
Да голова всклокочена твоя».
Однакожъ мальчикъ мой, отъ злости и досады,
Закинулъ Гребень свой въ рѣку...

Изъ этой басни Крыловъ выводитъ слѣдующее нравоученіе:

Видалъ я на своемъ вѣку,
Что такъ же съ правдой поступаютъ.
Поколѣ совѣсть въ насъ чиста,
То правда намъ мила, и правда намъ свята,
Ее и слушаютъ, и принимаютъ:
Но только сталъ кривить душей,
То правду далѣ отъ ушей.
И всякой, какъ дитя, чесать волосъ не хочетъ,
Когда ихъ всклочетъ.

Увидалъ дѣдушка Крыловъ двѣ бочки: «Двѣ Бочки ѣхали: одна съ виномъ, другая пустая». Первая тихонько плелась, шажкомъ; другая вскачь катилась, грохотала по мостовой, подымала пыль; увидавъ ее, прохожій останавливается по-неволѣ. Но какъ ни гремѣла бочка, все она была пустая, а другая, не гремѣвшая по мостовой, была съ виномъ. Отсюда Крыловъ заключаетъ, что «кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку, въ томъ, вѣрно, мало толку».

Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Указанныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какъ нашъ знаменитый баснописецъ

Библиотека

умѣлъ извлекать полезные для всѣхъ уроки изъ предметовъ самыхъ простыхъ, повседневныхъ, будничныхъ.

Все видимое нами въ природѣ избирается Крыловымъ для наставленія человѣку. Туча проносится, и ту онъ беретъ подъ перо и заставляетъ учить Русскаго человѣка. Тѣнь пробѣгаетъ, онъ и ее останавливаетъ и ей даетъ языкъ, чтобы читатель вынесъ для себя пользу. Бумажный змѣй запустилъ мальчикъ, нашъ дѣдушка и бумажнаго змѣя пристегиваетъ къ баснѣ, заставляя и его учить Русскаго человѣка уму-разуму.

Какія-же истины нашъ дѣдушка высказывалъ въ своихъ басняхъ? Чему онъ училъ своихъ современниковъ и какіе даетъ уроки намъ, потомкамъ?

Высокія, самыя полезныя для благосостоянія общества и государства истины выражалъ Крыловъ въ своихъ басняхъ.

Указывая на пользу науки, Крыловъ въ то же время преслѣдовалъ невѣжество и тупоуміе, подъ разными ихъ видами. Для примѣра укажемъ на басни: «Оселъ и Соловей», «Свинья подъ дубомъ».

Басня «Оселъ и Соловей» расказываетъ о встрѣчѣ осла и соловья:

Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: «послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище;
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико-ль подлинно твое умѣнье».
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.

Восхитительному пѣнію соловья внимало все:

Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.

Пастухъ, самъ пастухъ, притаилъ дыханье. Когда соловей окончилъ свое очаровательное пѣніе, тогда оселъ сталъ произносить надъ нимъ свой приговоръ:

Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно», говоритъ: «сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился».

Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и—полетѣлъ за тридевять полей.
Избави, Богъ, и насъ отъ этакихъ судей.

Переходимъ къ превосходной баснѣ: «Свинья подъ дубомъ».

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась жолудей до-сыта, до отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
«Вѣдь это дереву вредитъ»,
Ей съ дубу вòронъ говоритъ:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть
можетъ».
— «Пусть сохнетъ», говоритъ Свинья:
Ни чуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю;
Лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ
жирѣю».
— «Неблагодарная!» примолвилъ Дубъ ей
тутъ:
«Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ-бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ».
Невѣжда такъ-же, въ ослѣпленьѣ,
Бранитъ науки и ученье,

И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

Преслѣдуя невѣжество съ такою силою. Крыловъ въ то же время поясняетъ, *чѣмъ* должно развивать умъ человѣка.

На это нашъ дѣдушка даетъ ясныя указанія во многихъ басняхъ. Басня «Прудъ и Рѣка», напримѣръ, говоритъ намъ, что необходима человѣку неустанная работа, неусыпная дѣятельность — при которой его умъ никогда не заглохнетъ.

«Я, говоритъ прудъ, высохъ-бы съ тоски», если-бы велъ такую жизнь, какъ рѣка. То-ли дѣло—мой жребій!..

. . . «я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,
Лежу и въ нѣгѣ, и въ покоѣ . . . .
. . . . по водѣ моей чуть зыблется листокъ,
Когда его ко мнѣ заброситъ вѣтерокъ.
Не движась, я смотрю на суету мірскую
И мудрствую сквозь сонъ».

Рѣка на это отвѣтила, чтобы прудъ помнилъ, что стоячая вода теряетъ свѣжесть и что сохраниться свѣжею вода можетъ только при движеньѣ.

«И если стала я великою рѣкой,
Такъ это отъ того, что, кинувши покой,

Послѣдую сему уставу.
За то по всякій годъ
Обиліемъ и чистотою водъ
И пользу приношу, и въ честь вхожу, и въ славу,
И буду, можетъ быть, еще я вѣки течь,
Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ,
И о тебѣ совсѣмъ исчезнетъ рѣчь».
Слова ея сбылись: она течетъ по нынѣ;
А бѣдный Прудъ годъ отъ году всё глохъ,
Заволочёнъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой,
И, наконецъ, совсѣмъ изсохъ.

Нравоученіе изъ этой басни весьма ясно. Но мы приведемъ его словами Крылова.

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

Лѣность—порокъ русскаго человѣка. Сколько у насъ всякому предстоитъ дѣла и дѣла постояннаго, а много-ли у насъ дѣятелей! Гдѣ ни посмотришь — у насъ повсюду замѣчается лѣнь, праздность, нежеланіе дѣлать общее дѣло, а отъ этой лѣности, которую народная пословица называетъ матерью всѣхъ пороковъ, сколь-

ко гибнетъ дарованій, безъ пользы для общества! Рѣкъ много на Руси, но еще больше, надо полагать, прудовъ, заволоченныхъ тиной, зацвѣтшихъ, заросшихъ осокой и совсѣмъ изсохшихъ. Не могу не припомнить здѣсь Русскаго государя, жившаго въ XII столѣтіи (за семьсотъ лѣтъ почти до насъ), по имени Владиміра Мономаха. Онъ оставилъ «Поученіе» дѣтямъ. Замѣчательно въ этомъ поученіи то, что великій князь Владиміръ Мономахъ *пять* разъ напоминаетъ своимъ дѣтямъ, чтобы они не лѣнились: «Бога дѣля (т. е. ради Бога) не лѣнитеся», «лѣнощами бо человѣкъ погибаетъ», т. е. отъ лѣности человѣкъ погибаетъ. Такъ говорилъ древній Русскій князь почти за семьсотъ лѣтъ до дѣдушки Крылова... Но Русскій человѣкъ упорно держится своихъ недостатковъ.

Видя пагубныя послѣдствія лѣности, Крыловъ неоднократно въ своихъ басняхъ толковалъ о необходимости труда.

Басня «Орелъ и Пчела» переноситъ насъ въ улей съ пчелами. Тысячи пчелокъ трудятся надъ сотами, наполняя ихъ свѣжимъ душистымъ медомъ. Завидѣлъ одну изъ тысячи трудолюбивыхъ пчелъ орелъ, и удивляется пчелкѣ, изъ-за чего та, бѣдная, бьется, изъ-за чего трудится, когда никто не можетъ отличить

именно *ея* работы? Умная, трудолюбивая пчелка отвѣчаетъ орлу:

Я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

Эта басня поучаетъ, что мы должны трудиться не ради славы, не ради почестей, а ради общей пользы. Трудъ безвѣстный, но постоянный,—трудъ скромный, но непрерывный: таковъ смыслъ басни объ «Орлѣ и Пчелѣ». Много скромнаго труда на пользу общую можно найти и у насъ. Представляется намъ захолустье Россіи, лежащее далеко-далеко отъ желѣзной дороги: тамъ чинитъ свой судъ и расправу судья. Въ его камеру приходитъ всё простой, деревенскій людъ; никогда, можетъ быть, не заглянетъ туда важная особа, а судья судитъ да судитъ, и мало-по-малу развиваетъ въ своемъ захолустьѣ уваженіе къ правдѣ и совѣсти. Этотъ судья—та же крыловская пчела, трудящаяся надъ цвѣткомъ и приносящая свою каплю меда въ общій сотъ... А вотъ вамъ другая крыловская пчела: это сельскій учитель. Стоитъ въ глуши деревня, изъ бревенчатыхъ избъ состоящая; на лавкахъ за столомъ сидятъ крестьянскія дѣти. Напрягая всѣ свои способ-

ности и силы, учитель желаетъ научить ихъ читать и писать. Учитель переноситъ разныя невзгоды своей судьбы; онъ бьется какъ рыба объ ледъ, желая засвѣтить хоть маленькій огонекъ грамотности въ томъ околодкѣ, гдѣ Богъ судилъ ему быть учителемъ. Развѣ этотъ сельскій учитель—не та же крыловская пчела, трудящаяся ради общей пользы? Почтенъ тотъ, скажемъ мы словами баснописца,

Кто въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Мысли о пользѣ труда неоднократно занимали Крылова. Басня «Трудолюбивый Медвѣдь» написана на тотъ же предметъ. Эта басня наставляетъ насъ, что при трудѣ необходимо *терпѣніе*. Медвѣдь, увидя, что мужикъ гнетъ дуги и прибыльно сбываетъ ихъ съ рукъ, задумалъ самъ попробовать то же ремесло. Началъ дѣло: наломалъ орѣшнику, березнику и вязу страсть какъ много, а не могъ согнуть ни единой дуги. Идетъ къ мужику и проситъ совѣта: «Деревья таки я ломать могу, а не согнулъ ни одного въ дугу!» Медвѣдь желаетъ знать, въ чемъ тутъ главное дѣло? «Въ тер-

1935 Doe
БИБЛИОТЕКА
№ 600

пѣньѣ», отвѣчаетъ ему мужичекъ, а этого-то терпѣнья и недоставало куму Мишкѣ: значитъ при всякомъ трудѣ необходимо еще терпѣніе. Тяпъ да ляпъ, не будетъ корабль, говоритъ русская пословица. Такъ и трудъ не вдругъ доставляетъ человѣку извѣстную долю благосостоянія, а все приходитъ временемъ.

Пояснивъ многими баснями, что трудъ долженъ быть постоянный,—что трудъ долженъ быть скромный, терпѣливый и полезный,—дѣдушка Крыловъ указывалъ на гибельныя послѣдствія лѣности, праздности, бездѣльничанья. Кому неизвѣстна басенка «Стрекоза и Муравей»?

«Попрыгунья Стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
. . . . . .
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужь не поетъ:
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный!
Злой тоской удручена,
Къ Муравью ползетъ она:
«Не оставь меня, кумъ милой!
Дай ты мнѣ собраться съ силой,

И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй».

. . . . . .

«Да работала-ль ты въ лѣто?»
говоритъ ей Муравей, но она все пѣла и рѣзвилась.

«Ты всё пѣла? это дѣло:
Такъ поди же, попляши!»

Басня эта учитъ, что не надо быть лѣнивымъ, надо работать все лѣто, чтобы зимой не голодать.

Были учители, которымъ не нравилась эта басня потому, что она можетъ породить въ душѣ дитяти, которое учитъ басню про «Стрекозу», жестокосердіе, нелюбовь къ ближнему. «Просящему у тебя дай», сказано въ Священномъ Писаніи (Матѳ. V—42). Мы отвѣчали-бы такимъ учителямъ, что Священное Писаніе строго караетъ безпечныхъ, лѣнивыхъ. Оно, во-первыхъ, говоритъ, обращаясь къ праздному человѣку: «Иди ко мравію, о лѣниве, и поревнуй, видѣвъ пути его, и буди онаго мудрѣйшій...» (Притч. Соломон. VI—6). Или: «иди ко пчелѣ, и увѣждь коль дѣлательница есть, дѣланіе же коль честнѡе творитъ» (Притч. Соломон. VI—8). Это значитъ: лѣнивецъ! иди къ муравью и поучись у него дѣятельности,—

или посмотри на пчелу и будь такъ, какъ она, трудолюбивъ. Во-вторыхъ, Священное Писаніе прямо говоритъ: «кто не хощетъ дѣлати, нижѐ да ястъ» (2 Солун. III—10). Это грозное ученіе значитъ: кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь. Мы напомнили бы нашимъ мудрецамъ, осуждающимъ дѣдушку Крылова за басню «Стрекоза и Муравей», что̀ сказано нашему праотцу въ раю? «Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой...» (Быт. III—19). Каждый изъ насъ долженъ снискивать себѣ пропитаніе въ потѣ лица, съ великимъ и упорнымъ трудомъ. Кто забылъ эту священную заповѣдь, тотъ пусть на себя печалится, если у него нѣтъ ни гроша въ кошелькѣ, ни куска хлѣба за пазухой... Нашему народу,—среди котораго бродятъ тысячи праздныхъ людей, тунеядцевъ, лежебокъ, увальней, байбаковъ, служащихъ бременемъ для общества,—надо чаще и чаще повторять Крыловскія рѣчи о трудѣ,—о томъ, что всякому слѣдуетъ постоянно работать, чтобы подобно стрекозѣ, не остаться безъ пищи и крова... Хвала тебѣ, дѣдушка Крыловъ, за твои басни о трудѣ!

Хвала дѣдушкѣ Крылову и за тѣ басни, въ которыхъ онъ рѣшаетъ и другіе важные вопросы, такіе, которые касаются не одного какого-либо человѣка, цѣлаго общества лю-

дей, или цѣлыхъ сословій. Бѣда государству, если водворится между сословіями рознь, несогласіе, вражда. Это значитъ, что дѣти одного и того же обширнаго семейства озлобились другъ на друга, подняли камни братъ противъ брата. Государство — то же семейство, но только въ обширномъ размѣрѣ. Разныя сословія въ немъ должны жить дружно, въ согласіи. Гдѣ складъ да ладъ, тамъ и Божья благодать, говоритъ русская пословица. Дѣдушка Крыловъ очень хорошо понималъ смыслъ этой пословицы, когда составлялъ замысловатые разсказы, въ которыхъ касался важныхъ вопросовъ *общественныхъ*. Къ числу такихъ басенъ относятся: «Пушки и Паруса», «Листы и Корни», «Мірская Сходка». Военное сословіе, блескомъ побѣдъ и цѣною своей крови добывшее славу отечеству, иногда не въ мѣру гордится своими, дѣйствительно, важными заслугами. Излишняя, неумѣренная гордость особенно стала отличать военнаго человѣка послѣ войны 1812 года, когда величайшій полководецъ въ мірѣ, Наполеонъ Бонапартъ, гроза всей Европы,—былъ побѣжденъ нами. Послѣ побѣдъ въ Россіи и заграницей, послѣ взятія нами Парижа (въ 1814 году), наши военные люди особенно завеличались передъ мирными гражданскими чинами. Дѣдушкѣ Крылову боль-

но было видѣть такое недружелюбіе и вотъ онъ пишетъ басню «Пушки и Паруса».

На кораблѣ у пушекъ съ парусами поднялась сильная вражда: пушки начали роптать передъ небомъ, какъ это можетъ быть, чтобы паруса, «ничтожное холстинное творенье», могли равняться съ пушками? Что дѣлаютъ эти паруса? Они, во время вѣтра, надувъ спѣсиво грудь, несутся по океану, и лишь только величаются, а «мы—громимъ въ бояхъ». Нами, т. е. пушками, грозенъ корабль; мы, т. е. пушки, разносимъ повсюду страхъ и смерть. Пушки не желаютъ вмѣстѣ съ парусами жить на кораблѣ; онѣ просятъ сѣверный вѣтеръ скорѣй дохнуть и изорвать паруса въ клочья. Сѣверный вѣтеръ послушался ропота пушекъ:

Летитъ, дохнулъ, и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей (сѣверный вѣтеръ) реветъ и рветъ въ лоскутья Паруса...

Наконецъ непогода утихла. Корабль остался безъ парусовъ въ самомъ плачевномъ положеніи: онъ сталъ «игрушкой и вѣтровъ, и ва-

ловъ, и носится онъ въ морѣ, какъ колода». Когда же непріятель нагрянулъ, то нашъ корабль былъ недвижимъ; непріятельскія пушки сдѣлали его похожимъ на рѣшето, и скоро онъ «какъ ключъ» ко дну пошелъ. Басня «Пушки и Паруса» имѣетъ слѣдующее нравоученіе:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ—врагамъ она грозна,
А паруса—гражданскія въ ней власти.

Баснею «Листы и Корни» дѣдушка Крыловъ хотѣлъ показать необходимость добраго согласія между высшимъ сословіемъ въ государствѣ и низшими его классами, между благороднымъ дворянствомъ и чернымъ крестьянствомъ. Древесные листья хвалились своею зеленью, густотою, величавостью, а сверхъ того—и пользою, которую они во время зноя солнечнаго приносятъ человѣку, даютъ тѣнь прохожему, когда солнце печетъ его своими жгучими лучами. Когда такимъ образомъ листья на деревѣ хвастались, изъ-подъ земли раздался голосъ, голосъ смиренный, кроткій, робкій, но правдивый. Этотъ голосъ говорилъ: «примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ». Листы, заслышавъ подземный голосъ, залепетали и зашумѣли еще громче, еще сильнѣе по дереву.

Имъ хотѣлось слышать, кто̀ такъ нагло и надменно можетъ говорить изъ-подъ земли о какой-то благодарности, о какомъ-то «спасибо». Кто̀ же изъ-подъ земли говорилъ? Изъ-подъ земли смиренно, но съ достоинствомъ, говорили корни.

Мы тѣ,
Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Уже-ль не узнаете?
Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ насъ,
Что съ новою весной листъ новый наро-
дится;
А если корень изсушится,—
Не станетъ дерева, ни васъ.

Къ этой замысловатой баснѣ Крыловъ не прибавилъ никакого нравоученія: оно понятно само по себѣ изъ басни. Дѣдушка хотѣлъ напомнить дворянскому сословію, а съ нимъ и всѣмъ другимъ зажиточнымъ классамъ, о важности земледѣльческаго сословія, о крестьянинѣ-пахарѣ, который, подобно корнямъ дерева, въ «темнотѣ роется», въ землю полагаетъ всѣ свои силы и тѣмъ самымъ даетъ хлѣбъ какъ себѣ, такъ и другимъ сословіямъ. Кусокъ хлѣба—чернаго или бѣлаго—всѣмъ сословіямъ необходимъ, а

этотъ кусокъ выростаетъ на землѣ въ видѣ колоса ржанаго или пшеничнаго, благодаря мужичку—который со своею сохою и бороною день-деньской «роется» себѣ «въ темнотѣ», да роется по широкимъ и необозримымъ Русскимъ полямъ...

У Крылова есть нѣсколько *историческихъ* басенъ, т. е. такихъ, которыя написаны имъ по случаю того или другого историческаго событія. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ таковыхъ басенъ.

Басня «Волкъ на псарнѣ» написана въ 1812 году. Въ ней представлено вторженіе Наполеона въ Россію.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку:
Псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ»!
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ...

Тутъ сказано, что «волкъ думалъ залѣзть въ овчарню». Наполеонъ шелъ на Россію, будучи вполнѣ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ; онъ

думалъ найти въ русскихъ смиренныхъ и кроткихъ агнцевъ,—въ русской землѣ овчарню.

Но вмѣсто овчарни волкъ попалъ на псарню... «Поднялся вдругъ весь псарный дворъ», пишетъ Крыловъ. На самомъ дѣлѣ вся Россія въ 1812 году возстала противъ Наполеона.

Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку.
Въ минуту псарня стала адомъ.

Въ этихъ словахъ баснописца представляется весь ужасъ народнаго озлобленія противъ врага отечества. Народъ сталъ вооружаться съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ вошелъ въ Смоленскую губернію. Непріятеля преслѣдовали дворяне, духовные, мѣщане, крестьяне. Словомъ «въ минуту» баснописецъ хочетъ указать на быстроту, съ которою Россія въ 1812 году выступила противъ Наполеона.

Изобразивъ псарню адомъ, Крыловъ продолжаетъ:

Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ,
«Огня»! кричатъ: «огня!»

Здѣсь мы видимъ картину народнаго вооруженія. Кто бралъ вилы, кто—топоры, дубины, рогатины, косы.

Далѣе въ баснѣ говорится о переговорахъ, въ которые хотѣлъ вступить волкъ съ ловчимъ:

Пришли съ огнемъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ-бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ въ переговоры
И началъ такъ: Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вамъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ
И волчьей клятвой утверждаю, что я...

Но ловчій не далъ волку договорить.

Въ этомъ мѣстѣ басни Крыловъ говоритъ о предложеніи мира Наполеономъ.

Наполеонъ, послѣ взятія Москвы, двадцать дней ждалъ, что русскіе придутъ къ нему съ

поклонною головою просить мира,—но жестоко ошибся... Главнокомандующій русскими войсками, Кутузовъ, укрѣпившись лагеремъ въ селѣ Тарутинѣ, Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, не помышлялъ о мирѣ. Тогда Наполеонъ послалъ своего адъютанта съ письмомъ къ русскому главнокомандующему. Кутузовъ принялъ посла Наполеонова въ избѣ и между ними произошелъ разговоръ, весьма сходный съ тѣмъ, который велъ волкъ съ ловчимъ въ баснѣ Крылова.

Сталъ посолъ предлагать размѣнъ плѣнныхъ; Кутузовъ на размѣнъ не согласился. Началъ посолъ жаловаться на неслыханныя жестокости, которыя производитъ народъ надъ плѣнными французами. Кутузовъ отвѣчалъ: «Если бы я и желалъ измѣнить образъ мыслей въ народѣ, то я не могъ бы успѣть въ томъ, потому что русскіе считаютъ сію войну нашествіемъ татаръ, и я не въ состояніи перемѣнить понятія цѣлаго народа». Наконецъ посолъ сталъ говорить о мирѣ и припоминалъ дружбу, существовавшую между двумя императорами—Наполеономъ и Александромъ. «Я, вашъ старинный сватъ и кумъ», пишетъ нашъ баснописецъ. Кутузовъ отвѣчалъ: «Не имѣю на то никакого наставленія; при отправленіи меня къ арміи и названія мира не упомянуто. Я

подвергъ бы себя проклятію потомства, если бы сочли, что *я* подалъ поводъ къ какому бы то ни было примиренію».

Извѣстно изъ исторіи, что главнокомандующій нашъ Кутузовъ отпустилъ Наполеоновскаго посла съ грозными для непріятеля словами. Кутузовъ сказалъ: «Государь запретилъ мнѣ даже произносить слова: *миръ и перемиріе*». У баснописца ловчій отвѣчаетъ волку, попавшему на псарню вмѣсто овчарни, такъ:

«Послушай-ка, сосѣдъ»,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой».
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

Дѣйствительно: отъ мѣстечка Тарутина начались наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ, и—«шкуры съ волковъ были сняты», т. е. окончательно поражены непріятельскія силы, уничтожены, а главный волкъ спасся бѣгствомъ.

Басня «Волкъ на псарнѣ» весьма живо представляетъ намъ нашествіе Наполеона на Россію и великую борьбу съ нимъ нашего народа.

Въ ловчемъ всякій узнаетъ Кутузова. Крыловъ своею собственною рукою переписалъ басню «Волкъ на псарнѣ», представилъ рукопись супругѣ князя Кутузова, а она отправила ее къ своему мужу на поле сраженія.

«По окончаніи сраженія подъ Краснымъ» (уѣздный городъ Смоленской губ.),—говоритъ одинъ нашъ историкъ,—вечеромъ 6-го ноября, князь Кутузовъ подъѣхалъ къ бивуакамъ гвардейскаго корпуса. Во время чая собравшимся гвардейцамъ онъ сказалъ: «Крыловъ сочинилъ басенку и разсказываетъ, какъ волкъ попалъ не въ овчарню, а на псарню. Увидя бѣду, пустился онъ въ переговоры и сталъ онъ умолять о пощадѣ, но псарь сказалъ ему: «ты *сѣръ*»... При сихъ словахъ князь Кутузовъ снялъ свою фуражку и, потрясая сѣдою головою, продолжалъ, «а я, пріятель, *сѣдъ*». Воздухъ потрясся отъ восторженныхъ восклицаній гвардіи...

Басня «Обозъ» написана также въ 1812 году и имѣетъ цѣлью оправдать планъ компаніи, который составили наши полководцы того времени—Барклай-де-Толли и Кутузовъ. Главная мысль ихъ состояла въ томъ, чтобы избѣгать рѣшительнаго сраженія, завлечь непріятеля во внутрь страны и медленнымъ путемъ ослабить его силы. Французское войско, при началѣ кампаніи 1812 года, состояло изъ 446

тысячъ человѣкъ, а русское—изъ 193 тысячъ; силы, какъ видите, были несоразмѣрны. Генералъ Барклай-де-Толли, первый нашъ главнокомандующій, принялъ планъ все отступать, по мѣрѣ приближенія Наполеона. Крыловъ описалъ благоразумную медленность въ отраженіи непріятеля слѣдующими стихами:

Съ горшками шелъ Обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая...

Подъ Смоленскомъ армія желала вступить въ рѣшительную битву съ Наполеономъ; но Барклай-де-Толли приказалъ отступать по дорогѣ къ Москвѣ. Армія и нѣкоторые генералы (напр. Багратіонъ) роптали. Генералъ Багратіонъ писалъ къ графу Аракчееву: «Вся армія плачетъ совершенно, и ругаютъ Барклая на смерть. Не смѣлъ остаться съ 90-ю тысячъ у Смоленска. Охъ, грустно, больно! Никогда мы такъ обижены и огорчены не были, какъ теперь».

Недовольство арміи и Багратіона медлительными дѣйствіями Барклая-де-Толли баснописецъ изображаетъ такъ:

А лошадь сверху, молодая,
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ
«Ай, конь хваленый, тó-то диво!
Смотрите: лѣпится какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень; косо! криво!
Смѣлѣе! вотъ толчекъ опять:
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро бы было въ гору,
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору, и днемъ!»
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!

Барклай-де-Толли, не обращая вниманія на ропотъ, выходившій отъ непониманія дѣла, продолжалъ идти по избранному пути. Передъ Дорогобужемъ (уѣздный городъ Смолен. губ., отъ Смоленска 86 вер.) онъ снова думалъ дать сраженіе, но—отступилъ; передъ Вязьмою, отстоящею отъ Смоленска по дорогѣ къ Москвѣ во ста шестидесяти двухъ верстахъ, генералъ Барклай-де-Толли сдѣлалъ еще отступленіе: все во имя общаго блага. Армія негодовала [1])

---

[1]) О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ *звукъ чуждый* не взлюби,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругается надъ твоей священной сѣдиною.

А. Пушкинъ («Полководецъ»).

на своего мудраго, но тогда непонятаго, вождя. Народъ сталъ называть Барклая чуть не измѣнникомъ, его не русская фамилія возмущала умы. Солдаты называли его «болтай да и только».

Наконецъ Государь (Александръ I) назначилъ новаго главнокомандующаго, князя Кутузова, русскаго и по фамиліи, ученика Суворова въ военномъ дѣлѣ. Россія съ восторгомъ привѣтствовала его. Путь князя Кутузова до Царева-Займища (между Вязьмою и Можайскомъ), гдѣ тогда стояли наши войска, походилъ на торжественное шествіе: изъ церквей выходили съ иконами и хоругвями,—изъ домовъ съ хлѣбомъ-солью; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ на себѣ везъ экипажъ Кутузова. 17-го Августа новый полководецъ былъ уже при своей арміи. 18-го Августа войско находилось еще на своей позиціи при Царевѣ-Займищѣ; ожидали битвы... Но вдругъ данъ былъ приказъ—отступать... Кутузовъ продолжалъ дѣло Барклая-де-Толли. «Обозъ» опять «легонько» сталъ спускаться съ крутой горы... Кутузовъ при Бородинѣ (село Моск. губ., въ 10-ти верстахъ отъ Можайска) рѣшился вступить въ битву съ Наполеономъ. Русскіе показали чудеса храбрости; они выдержали со славою и честію сраженіе, кровопролитнѣйшее въ лѣтописяхъ міра, и удержали за собою позицію. Но главнокомандующій, послѣ

явнаго успѣха боя, приказалъ все-таки отступать... Отдана была Москва безъ битвы. Послѣдствія оправдали распоряженія Кутузова и Барклая-де-Толли. Въ ту самую минуту, когда наши войска выходили въ одну заставу изъ Москвы, непріятельская армія вступала другою заставою въ нее. Послѣ всего вышеизложеннаго, становится понятною басня Крылова: «Обозъ».

«А лошадь сверху, молодая,
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится какъ ракъ».

Лошадь молодая, ругающая бѣднаго коня, изображаетъ всѣхъ, недовольныхъ распоряженіями Барклая и Кутузова.

Басня «Чижъ и Ежъ», по разсказамъ современниковъ, написана во славу императора Александра I-го, возвратившагося изъ Парижа, по низверженіи Наполеона. Возвращеніе Государя изъ Парижа было привѣтствуемо восторженными кликами всего русскаго народа. Писатели того времени—Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, князь Вяземскій и другіе величали въ задушевныхъ стихахъ побѣдителя Наполеона. Пушкинъ, впослѣдствіи одинъ изъ великихъ русскихъ стихотворцевъ, тогда еще

учился въ Царскомъ Селѣ (вблизи Петербурга); возбужденный общимъ восторгомъ народа, онъ тоже написалъ стихи въ честь императора Александра.

Въ такое-ли время всеобщей радости было молчать нашему баснописцу? Нѣтъ, и онъ не молчалъ. Онъ по-своему высказывалъ удивленіе и благодарность императору Александру Павловичу; онъ сочинилъ басенку: «Чижъ и Ежъ». Эта басня малоизвѣстна; потому прочтемъ ее отъ начала до конца (она не велика):

Уединеніе любя,
Чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя,
Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось,
И не за что; такъ какъ-то пѣлось!
Вотъ, въ блескѣ и во славѣ всей,
Фебъ (солнце) лучезарный изъ морей
Поднялся.
Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему,
И въ срѣтенье ему
Хоръ громкихъ соловьевъ въ густыхъ лѣсахъ раздался.
Мой Чижъ замолкъ.—«Ты что-жъ»,
Спросилъ его съ насмѣшкой Ежъ:
— «Пріятель, не поешь?»

— «Затѣмъ, что голоса такого не имѣю,
Чтобъ Феба я достойно величалъ»,
Сквозь слезъ Чижъ бѣдный отвѣчалъ:
«А слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю».
Такъ я крушуся и жалѣю (прибавляетъ Крыловъ),
. . . . . .
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ [1]):
Я-бъ Александра пѣлъ.

«Фебъ лучезарный», поднявшійся изъ морей, это—императоръ Александръ, возвращающійся изъ Парижа «въ блескѣ и во славѣ всей».—«Хоръ громкихъ соловьевъ», раздавшійся въ густыхъ лѣсахъ, въ срѣтенье Фебу, это—Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, князь Вяземскій и Пушкинъ со своими стихами въ честь Государя, побѣдившаго Наполеона. «Робкій Чижъ», уединенно чирикавшій на зарѣ и про себя, это—нашъ Крыловъ, выбравшій для выраженія своихъ мудрыхъ мыслей самую скромную оболочку, оболочку басни. «Сквозь слезъ Чижъ бѣдный» отвѣчаетъ, почему онъ не поетъ

---

[1]) Лира Пиндара означаетъ умѣнье и талантъ писать торжественные хвалебные стихи. *Пиндаръ*—Греческій поэтъ, жившій въ VI в. до Р. Хр.

въ честь солнца. Сознаніе своего смиренія, высказаннаго чижемъ, весьма трогательно. Въ то время, когда Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій пишутъ большія стихотворенія во славу Александра, Крыловъ не сознаетъ въ себѣ достаточно силъ для совершенія подобнаго дѣла: онъ «го́лоса такого не имѣетъ». Онъ больше чувствуетъ, нежели говоритъ.

Сокрушеніе нашего писателя непритворное, искреннее. Какъ русскій человѣкъ, онъ радовался возвращенію изъ Парижа побѣдителя Наполеона Бонапарта. И кромѣ того Крыловъ имѣлъ много причинъ быть благодарнымъ Государю Александру Благословенному.

Крыловъ лично былъ облагодѣтельствованъ Его Величествомъ, и не разъ... Государь большія милости оказалъ Крылову. Въ первый годъ службы Крылова въ Императорской публичной библіотекѣ (что̀ на углу Невскаго и Садовой въ Петербургѣ), въ 1811 году, Александръ I повелѣлъ производить ему, сверхъ жалованья по должности, еще 1.500 рублей пенсіи изъ собственныхъ суммъ Его Величества. Въ 1813 году, когда Крыловъ вновь задумалъ издавать свои басни, онъ получилъ отъ щедротъ Императора на изданіе четыре тысячи рублей. Намъ понятны искреннія слезы Крылова, которыми закипѣло его сердце, когда

Александръ I, его благодѣтель и благодѣтель всей Россіи, возвращался на родину изъ Парижа, какъ побѣдитель Наполеона, первѣйшаго полководца въ мірѣ...

Такъ я крушуся и жалѣю,
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я-бъ *Александра* пѣлъ.

Къ числу историческихъ басенъ Крылова принадлежитъ еще басня «Василекъ», на которую нельзя не обратить особеннаго вниманія. Она начинается такимъ образомъ:

Въ глуши разцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины.

Въ такомъ печальномъ положеніи Василекъ жалобно ропталъ вѣтерку о томъ, какъ бы хорошо было, если бы скорѣе насталъ день, взошло бы солнышко и оживило его. Заслышалъ жалобы василька жукъ, копавшійся вблизи. Жукъ началъ дѣлать замѣчанія Васильку за его простоту: солнцу не до Василька, говоритъ жукъ,—у солнца совсѣмъ другія заботы:

Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ

И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ.
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты.

Такъ говоритъ жукъ бѣдному Васильку. Еще онъ говоритъ ему:

«Ты ни пышенъ, ни пахучъ:
Такъ солнца ты своей докукою не мучь,
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго перестань,
Молчи и вянь!..»
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.

Эта басня написана была Крыловымъ въ память тѣхъ благодѣяній, которыя оказывала ему Императрица Марія Ѳеодоровна, (Мать Императора Александра I-го). Милосердая Государыня приняла нашего баснописца въ свой ближайшій кругъ. Крыловъ неоднократно читалъ ей свои басни въ Зимнемъ Дворцѣ (въ Петербургѣ) и Павловскѣ, любимомъ лѣтнемъ пребываніи Императрицы (вблизи Петербурга). Во время тяжкой болѣзни Крылова, когда удары паралича нѣсколько покривили его лицо, Императрица Марія Ѳеодоровна приняла материнское участіе въ судьбѣ Кры-

лова; она пригласила его изъ Петербурга въ Павловскъ, и тамъ, окруженный уходомъ лучшихъ докторовъ, онъ выздоровѣлъ, къ радости Государыни и всѣхъ, его знавшихъ, людей. Тогда-то, по своемъ выздоровленіи, Крыловъ написалъ басню «Василекъ». Эта басня написана была собственною рукою Крылова въ одномъ изъ альбомовъ, которые разложены были въ Павловскѣ, въ домикѣ, называющемся и теперь «Розовый Павильонъ». Въ этомъ домикѣ императрица Марія Ѳеодоровна любила собирать около себя русскихъ писателей. Тутъ же являлся и Крыловъ со своими замысловатыми разсказами. Тутъ, въ Розовомъ Павильонѣ, въ *первый* разъ (1823 г.) увидѣли посѣтители басню Крылова «Василекъ»: «Помню», говоритъ одинъ современникъ, «что на первомъ листѣ одного изъ альбомовъ красовалась басня Крылова, написанная его рукою, еще не бывшая тогда въ печати, «Василекъ». Помню, какъ любопытные посѣтители вырывали другъ у друга изъ рукъ перья, чтобы выписать послѣдніе стихи изъ «Василька»:

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
Смотрите:

Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно—
Былинкѣ - ль, кедру - ли — благотворитъ равно,
И радость по себѣ, и счастье оставляетъ...
И все его благословляетъ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ былъ сынъ офицера, служившаго въ арміи. Онъ родился въ Москвѣ, но, по обстоятельствамъ службы отца, дѣтство провелъ въ Оренбургѣ. Въ дѣтствѣ своемъ, на четвертомъ году жизни, едва не сдѣлался Крыловъ жертвою Пугачева. Пугачевъ со своимъ войскомъ осадилъ одну изъ крѣпостей на рѣкѣ Яикѣ (Уралѣ), а въ крѣпости защищался съ изумительною храбростью офицеръ Крыловъ, отецъ нашего баснописца. Пугачевъ досадовалъ, что не могъ взять крѣпости, и поклялся, что если возьметъ крѣпость, то повѣситъ все семейство Крылова, находившееся тогда въ Оренбургѣ. Но Богъ не попустилъ совершиться бѣдѣ. Подошло войско, и Пугачевъ былъ разбитъ.

По усмиреніи Пугачевскаго бунта, отецъ Крылова переѣхалъ въ Тверь. Здѣсь онъ поступилъ на службу по гражданской части въ магистратъ; но скоро скончался, оставивъ одиннадцатилѣтняго сына на попеченіи своей вдовы. Мать Крылова была добрая женщина,

заботливая, истинно-любящая мать. Оставшись послѣ мужа въ крайней бѣдности, она билась изо-всѣхъ силъ, чтобы доставить своему семейству какое ни-на-есть образованіе и пропитаніе. Нашъ Крыловъ, благодаря заботамъ своей матери, ходилъ въ домъ предсѣдателя казенной палаты учиться французскому и нѣмецкому языкамъ; другимъ предметамъ онъ научился отъ отца. Потомъ мать опредѣлила его на тринадцатомъ или четырнадцатомъ году жизни въ писцы, въ Калязинъ, уѣздный городъ Тверской губерніи. Вотъ гдѣ началось служебное поприще нашего славнаго баснописца! Изъ Калязина Крыловъ перешелъ на службу въ магистратъ губернскаго города Твери въ подканцеляристы... Но служба службою, а талантъ—талантомъ. Талантъ, таившійся въ душѣ Крылова, звалъ его на улицу, подальше отъ душныхъ комнатъ магистрата. Крыловъ посѣщалъ съ особеннымъ удовольствіемъ народныя сборища, торговыя площади, качели и кулачные бои,—вмѣшивался въ толпу и съ жадностью прислушивался къ разговору простолюдиновъ. Домой возвращался Крыловъ съ большимъ запасомъ забавныхъ разсказовъ. Въ то же время Крыловъ зачитывался книгами, которыя остались отъ покойнаго отца...

Въ 1783 году, 15-ти лѣтъ, Крыловъ вмѣ-

стѣ съ матерью прибылъ въ Петербургъ. Мать хлопотала о пенсіи за службу мужа. Въ то же время она успѣла опредѣлить своего сына Ивана на мѣсто въ казенную палату канцеляристомъ.

Оставшись, по смерти матери, на двадцатомъ году жизни, совершенно одинокимъ, Крыловъ продолжалъ учиться. Онъ развивалъ, какъ умѣлъ, свои разнообразныя дарованія. Служба шла своимъ чередомъ. Крыловъ мѣнялъ ее неоднократно: послѣ казенной палаты, служилъ въ монетномъ дворѣ; служилъ еще въ провинціи, наприм. въ Ригѣ, въ должности правителя губернской канцеляріи. Бывалъ и въ отставкѣ. Съ 1811 года, со дня открытія Императорской публичной библіотеки, Крыловъ не мѣнялъ болѣе службы, въ теченіи тридцати лѣтъ; мало того, что не мѣнялъ своей службы—званія библіотекаря Публичной библіотеки,—онъ не мѣнялъ тридцать лѣтъ и квартиры своей. Сдѣлавшись библіотекаремъ, онъ жилъ во второмъ домѣ отъ Публичной библіотеки, напротивъ Гостиннаго двора, на казенной квартирѣ, и прожилъ тутъ ровно тридцать лѣтъ до своей отставки въ 1841 году...

Мы выше сказали, что служба шла своимъ чередомъ, а талантъ—своимъ. Въ Петербургѣ, служа въ разное время по разнымъ мѣстамъ,

находясь и въ отставкѣ, Крыловъ все свободное время употреблялъ на развитіе своихъ талантовъ. Онъ пробовалъ ихъ съ разныхъ сторонъ. Сначала онъ принялся сочинять для театра. Къ театру у него была страсть.

Сочинитъ пьеску и понесетъ ее къ актеру Дмитревскому, который въ то время (въ XVIII в.) былъ свѣтиломъ театральнаго міра. Съ охотою выслушивалъ Дмитревскій, какъ Крыловъ читалъ свою новую пьесу и иногда, разобравъ ее по косточкамъ, прямо говорилъ, что она не хорошо написана. Своимъ приговоромъ знаменитый артистъ не хотѣлъ отнять охоты у Крылова: онъ совѣтовалъ ему учиться и еще попробовать силы въ этомъ родѣ. Сѣмена упали на благодарную почву: Крыловъ продолжалъ сочинять для театра и впослѣдствіи достигъ того, что его пьесы игрались на сценѣ, и имѣли успѣхъ.

Пробовалъ потомъ свои таланты Крыловъ еще съ другой стороны. Видя, что при Императрицѣ Екатеринѣ II-й въ большомъ ходу журналы, Крыловъ рѣшился попытать счастія въ этомъ родѣ занятій. Онъ издавалъ въ разныя времена и не одинъ журналъ, а нѣсколько. Завелъ даже типографію. Журналы Крылова имѣли успѣхъ, хотя и не всѣ.

Въ 1806 году Крыловъ былъ въ Москвѣ и

представилъ тогдашнему извѣстному баснописцу Дмитріеву три свои *басни*. Дмитріевъ одобрилъ Крылова и посовѣтовалъ ему оставить всѣ другія сочиненія и посвятить себя исключительно составленію басенъ. Крыловъ послушался Дмитріева, и тутъ-то впервые онъ постигъ истинное свое призваніе. Три басни, напечатанныя въ журналѣ, были радушно приняты публикою. Крыловъ взялся за перо баснописца и—не выпускалъ его уже почти до самой смерти, въ теченіи тридцати пяти лѣтъ.

Въ 1809 году вышла въ свѣтъ первая книжка басенъ Крылова; тутъ было напечатано двадцать три его басни. Это положило *начало* всеобщей извѣстности Крылова: въ немъ стали видѣть баснописца съ высокимъ дарованіемъ. Крыловъ съ году на годъ писалъ все болѣе и болѣе; слава его все расла да расла. И басни его читались повсюду.

Крыловъ умеръ въ 1844 году, 9 ноября, проживъ 76 лѣтъ.

Погребеніе Крылова было великолѣпно. Церковь едва могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ поклониться праху почившаго баснописца. Сановники государственные выносили гробъ Крылова изъ церкви на погребальныя дроги. По обѣимъ сторона Невскаго проспекта (въ Петербургѣ главная улица) стояло мно-

жество народа, провожая молитвою дѣдушку Крылова на тотъ свѣтъ, «идѣ же нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе». Въ Александро-Невской лаврѣ обрядъ отпѣванія совершалъ митрополитъ въ сослуженіи епископовъ. Предъ закрытіемъ гроба министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ положилъ туда медаль, выбитую въ память 50-ти лѣтняго служенія Крылова Русскому народу.

Могила Крылова находится на кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря (въ Петербургѣ).

Послѣ похоронъ Крылова, объявлена была по всей Россіи подписка на сооруженіе ему *народнаго* памятника. Этотъ памятникъ открытъ въ 1856 году при Императорѣ Александрѣ II-мъ. Дѣдушка Крыловъ, въ просторномъ сюртукѣ и рубашкѣ съ открытымъ воротомъ, вылитый изъ бронзы, сидитъ на камнѣ; изъ бронзы же сдѣланы изображенія разныхъ животныхъ и другихъ предметовъ на памятникѣ,—а самый четыреугольникъ, на которомъ находится Крыловъ, выбитъ изъ чернаго сердобольскаго гранита. Обойдите этотъ монументъ со всѣхъ сторонъ, вы увидите, что на немъ изображены въ лицахъ лучшія басни Крылова. Около памятника, въ хорошіе теплые дни, почти постоянно можно видѣть дѣтей

Мы, взрослые, хранимъ память Крылова, запоминая его басни и уроки, данные имъ старому и малому, богатому и бѣдному, ученому и неученому. Внимательнымъ чтеніемъ басенъ мы творимъ вѣчную память дѣдушкѣ Крылову, нашему *народному учителю* въ полномъ смыслѣ этого слова.

СВѢТОВЫЯ КАРТИНЫ КЪ НАСТОЯЩЕМУ ЧТЕНІЮ
(для аудиторій):

1. Портретъ И. А. Крылова.
2. «Оселъ и соловей».
3. «Свинья подъ дубомъ».
4. «Трудолюбивый медвѣдь».
5. «Стрекоза и муравей».
6. «Листы и корни».
7. «Волкъ на псарнѣ».
8. Императоръ Александръ I.
9. Императрица Марія Ѳеодоровна.
10. Розовый павильонъ въ Павловскѣ.
11. «Василекъ».
12. Зданіе Императорской публичной библіотеки.
13. Памятникъ Крылову.

Картины эти могутъ быть пріобрѣтены у поставщиковъ Коммисіи
въ «С-Петербургской Мастерской учебныхъ пособій и игръ»
С.-Петербургъ, Троицкая ул., № 9.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ НАРОДА.

Отдѣлъ первый: Календарь Православной Церкви. Отдѣлъ второй: Исторія всемірная и русская. Отдѣлъ третій: Географія всеобщая и русская. Отдѣлъ четвертый: Міръ Божій.

Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 70 к.

15к

РУССКАЯ ИСТОРІЯ ВЪ РОМАНАХЪ И ПОВѢСТЯХЪ.

послѣдовательная хрестоматія.

Книга первая—Отъ Смутнаго времени до Петра Великаго. Ц. 40 к. (въ папкѣ 50 к.).

Книга вторая—Время Петра Великаго. Ц. 35 к.

ЛИСТКИ:

1) Мининъ и князь Пожарскій. 2) Знаменитый полководецъ свѣтлѣйшій князь Александръ Васильевичъ Суворовъ. 3) Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. 4) Механикъ-самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ.

Цѣна листку 1 коп.

Назначеніе женщины по ученію слова Божія. Ц. 15 к.

Какъ во Франціи крестьяне сдѣлались состоятельными. Ц. 5 к.

Книги эти продаются въ складѣ Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній, въ С.-Петербургѣ—Лиговская ул., д. № 19, и въ книжныхъ магазинахъ:

Въ СПбургѣ—Фену и К°, Спб. Мастерской учебныхъ пособій и игръ Русскомъ книжномъ магазинѣ Морева, Карбасникова, Луковникова, Стасюлевича, Панафидина, Тузова, Калмыковой и Н. Мартынова, Москвѣ—Думнова, «Сотрудникъ школъ» Тихомірова, Карбасникова, Сытина и К°. и Панафидина, Астрахани—Складѣ «народныхъ чтеній», Варшавѣ—Карбасникова, Вильнѣ—Сыркина, Екатеринбургѣ—Блохиной, Екатеринославѣ—Шафермана, Казани—Дубровина (Гостиный дворъ) и Башмакова, Новочеркаскѣ — Поповой, Омскѣ — Александрова, Пензѣ—Алексѣева, Перми—Петровской, Смоленскѣ—Клестова, Тамбовѣ—Богородично-Казанскаго миссіонерскаго братства, Тифлисѣ—Центральной книжной торговли, Томскѣ—Макушина.

Книжные магазины и склады при выпискѣ изданій изъ Коммисіи на наличныя деньги пользуются уступкою 30%, за исключеніемъ „Житій святыхъ“, „Двадцати девяти чтеній по Русской исторіи“, „Сборниковъ стихотвореній“, „Настольной книги для народа“, и „Русской исторіи въ романахъ и повѣстяхъ“, съ которыхъ скидки 20%. Расходъ по пересылкѣ изданій покупателямъ, не пользующимся скидкою, принимается на счетъ Коммисіи.

На коммисію изданія не отпускаются.

Изданія, выписываемыя изъ склада Коммисіи въ большомъ количествѣ, высылаются исключительно чрезъ Контору Компаніи „Надежда“.